

Полина устало присела на кровать, тщательно, застеленную верблюжьим покрывалом, и вздохнула.

«Уф! Устала, жарко сегодня. Семьдесят исполнилось, а особой радости не чувствую. Кажется, вчера молодой бегала, а сейчас лицо как сморщенный трухлявый огурец. Годочки мои быстро прокатились и укатились в прошедшее время; сколько Бог оставил мне, неизвестно. А, да ладно, скоро гости придут», — она посмотрела на фотографии своих детей, стоящих на комод. Старший, Артур, — капитан дальнего плавания, и его судно стоит в Сиднее. Катя — экономист, живёт в Новосибирске. Несколько дней назад она сказала, что не приедет, а только в отпуск. Работа есть работа, от неё не убежишь. Катя и Артур поздравили её с днём рождения утром, не забывают дети о ней.

В душе радостно от таких мыслей. Она критически взглянула на стол: вроде достаточно угощений? Не осудят ли её гости за плохой стол? В печи стоит зажаренный поросёнок, фаршированный рисом и яблоками, котлеты с картофельным пюре, в холодильнике салаты: «Обжорка», оливье, французский, с кириешками, под «шубой», на столе — краснобокие помидорчики, зелёные огурчики, обязательная селёdochка, нарезанная колбаска и аппетитное сало с прожилками, фаршированная рыба под соусом. Она достала из шкафа и поставила на стол бутылку водки и бутылку красного вина.

«Торт и стряпню поставлю позже, скоро гости придут, переодеться надо». Она достала из шифоньера сиреневое шёлковое платье и подошла к зеркалу поправить волосы. «Для своих лет я ещё ничего-о-о выгляжу, — она посмотрела на себя. — Вроде ничего, сойдёт».

На улице закрипела калитка. «Еремеевы идут», — и вышла к друзьям.

— Здравствуйте, гости дорогие. Рада, что вы пришли, не обошли мой дом.

— Поздравляем тебя, соседка, с днём рождения! Будь здорова — самое главное в нашем возрасте

— Ты права, Ирина, здоровья не будет — радости не будет, — улыбнулась она.

— Возьми, сорвала тебе розы, будь счастлива, — соседка подала ей букет красных роз и подарок.

— Какие красивые! Я люблю розы, угадала в самый раз.

— Я знаю твои вкусы. Мне ли не знать, подружка?

— Спасибо за цветы и подарок. Вы проходите, сейчас ещё Анна с Фросей и Олег с Лидой подойдут.

— Ну что ж, подождём.

Полина торопливо стала накрывать на стол, Ирина, не выдержав, стала помогать.

— Мастерница ты, соседка. Голова закружилась и слюнки потекли, как только в дом вошёл, — такие запахи.

— Отведаешь и оценишь, Иван.

— Да я чувствую, что вкусоптица.

Скрипнула двери, в дом вошли остальные приглашённые. Вскоре, после объятий и поздравлений имениннице, все оказались за столом. Торжество началось.

Полина спать в этот вечер легла поздно, но сон не шёл, в голове прокручивались картинки сегодняшнего дня и прошлой её жизни. Она с радостью встречала гостей, с улыбкой смотрела, как мужчины ухаживали за женщинами, старательно подливая в рюмки горячительного или подавая своим дамам блюда. Скучать не пришлось. Иван сходил за гармошкой, и они трягнули стариной, вспомнили молодость: поплясали, спели песни и частушки.

Она никогда не завидовала подругам, но сейчас, лёжа в постели, она вдруг ясно поняла, что всю жизнь ждала любовь настоящую, большую и не дождалась, — и заплакала безудержно. Вспомнилось детство. События прошлого встали перед глазами отчётливо, как будто они были вчера.

Родители её переехали в деревню из города в конце сороковых, купив небольшой домик в центре деревни. Она помнит русскую печь, стоявшую возле стены и занимавшую

главенствующее место в доме, стол, покрытый клеёнкой, кровать, застеленную тёмно-синим покрывалом, лавки возле стен, сосновый пол, который мать часто скоблила ножом: после мытья доски желтели первозданной чистотой, а в доме плавал запах сосновых досок. Поля сидела у окна и рисовала, мама, напевая песню, мыла посуду, брат спал в люльке, посапывая своим крошечным носом. День был солнечный, весёлый, когда вдруг возле ворот послышался шум. Мать выглянула в окно и побледнела:

— Отец опять пьяный пришёл.

Двери распахнулись, и в дом, качаясь, вошёл папа.

— Что, жена, стоишь? Не видишь — я пришёл. Дай поесть.

— Садись, сейчас налью тебе супу, недавно сварила.

Она, достав тарелку из стола, налила и поставила похлёбку перед мужем. Тот, покрутив ложкой в тарелке, попробовал и положил ложку на стол.

— Ты вот что, Галька... Мы с Гришкой выпили маленько, надо бы ещё добавить, дай денег.

— Нет денег. Где я тебе их возьму? Детей не пугай, не видишь их, что ли?

— Не спорь, баба, со мной. С тобой кто говорит? Я — твой мужик, и ты должна слушаться меня. Деньги давай! Или ты не понимаешь, что я говорю?

Поля со страхом смотрела на отца. В её маленькой жизни такие события в доме были регулярными.

— Нет денег. Откуда деньги появятся? Ты принёс сейчас их мне разве? Нет.

— Я убью тебя, если не дашь!

Он отошёл в сторону, шаря в углу.

— Куда ты топор положила, сука? А?

Мать, с тревогой наблюдавшая за действиями мужа, схватила из люльки младенца, накинув на него лёгкое покрывалко, положила его на правую руку, а левой схватила Полинку, и они побежали. В ограде Полина оглянулась. Отец, со свирепым бессмысленным взглядом, стоял с топором на крыльце, бормоча злые слова, а через забор перепрыгивал его двоюродный брат Митрий, крича ему:

— Ты, что делаешь, братан?! Брось топор!

Что было дальше, она уже не видела, так как они выскочили в улицу и нашли пристанище у соседки.

— Мама, я боюсь, боюсь! Вдруг он и сюда придёт? — её трясло от страха.

Соседка, пожилая Анна, прижала её к себе.

— Не бойся, маленькая, не придёт сюда твой отец, не бойся, не посмеет прийти.

— Боюсь, так страшно мне. А если он нас убьёт?

— Не убьёт, всё будет хорошо, — и погладила её по голове. — На, попей водички. Галя, ты поладь ребёнка после, напугалась она сильно.

Та, утирая слёзы, кивнула.

— Схожу к Клаве, пусть воду заговорит. Она лечит от испуга, грыжи, заговаривает зубы, почти всем помогает.

— Как ты терпишь его выходки? Разве можно так жить? — участливо спросила Анна.

— Куда я пойду? Некуда, ты же знаешь, ни матери, ни отца у меня нет. Мама умерла, когда я была совсем маленькая, а отец умер в войну. Досталось мне и сестре. Как выжили, удивляюсь.

— Да-а, а теперь и от мужа поддержки нет.

— Судьба такая, наверно.

— От судьбы не убежишь. Старики говорили: кому написано на роду, чему быть, того не миновать.

— Ты права, Анна. Пойду посмотрю, что дома творится. Дети пусть пока здесь побудут.

— Конечно, иди, не беспокойся, я присмотрю.

Мать ушла, но вскоре вернулась обратно.

— Успокоился он, пошли мы. Спасибо тебе, Анна, побеспокоили тебя.

— Да ты что! Ничего страшного, всегда приходите, если что. Обязаны все помогать друг другу. Куда тебе бежать?

Дома за столом сидели отец с Митрием, который укорял брата:

— Разве можно налетать на жену и детей? Негоже так делать, ты ж мужик.

— Наливай, Митяха, не тяни и много не говори.

— Выпьём, только ты на свою жену не налетай. И ребёнок напугал.

Вскоре они ушли, и Польша вздохнула с облегчением.

— Папка ушёл. Мама я боюсь его. Он нас убьёт?

— Не бойся, я рядом, ничего не бойся. Иди поиграй на улицу, там тебя ждут подружки, а я в избе приберу.

— Я пошла, там меня Надька уже ждёт.

Спустя некоторое время она забыла о том, что произошло дома, играя со своими друзьями в бесконечные игры. Но в затаённых уголках подсознания остаются все дела, мысли, слова, всё, чем мы живём в нашем мире.

Полина смахнула набежавшую слезу, а из темноты выплывали эпизоды прошлого.

Вот она уже в шестом классе. Пришла домой радостная, весёлая:

— Мама, представляешь, у нас в школе будет спектакль, и я участвую в нём.

— Что за спектакль, интересно?

— Мы ставим сказку — знаешь, наверно? — это «Золушка». Я буду Золушку играть. Представляешь, что это значит для меня? Такая радость!

— Радость-то радостью, а кто мне помогать будет? Ты уже большая, а от тебя помощи маловато. Опять будешь в школе днями пропадать. Иди в стайке вычисти, пользы будет больше.

— Что я тебе плохого сказала? Вроде ничего, а ты так говоришь.

— У соседки, Вали, Катька дома всё делает. Учится в восьмом классе, а уже хлеб стряпает, придёт со школы — не посидит, то одно дело найдёт, то другое. А тебе только попеть, попрыгать на сцене, теперь вот спектакль. Ерундой не майся, иди почисти стайку да садись уроки выполнять.

— Хорошо, мама, — она с укором взглянула на мать и вышла на улицу.

Полина поёжилась. Она всегда считала себя некрасивой, даже в детстве, с отвращением глядя на своё отражение в зеркале, на свои зелёные глаза, большой нос, тонкие губы, продолговатое лицо, хотя подружки завидовали её вьющимся каштановым волосам, которые пышным облаком обрамляли лицо.

«Что со мной, не пойму? Не могу сегодня спать, в голову лезут мысли ненужные. Расслабиться надо и уснуть. Маму я понять могу: не любил её отец, и она его не любила, а пришлось им вместе жить и растить детей». Отец спился, и матери пришлось тянуть на себе непосильную ношу всю жизнь, хотя отец, когда не пил, мог сделать любую работу. Хотя им иногда приходилось убегать из дома, когда он напивался, всё

равно она жалела отца — как-никак родная душа. Иногда он садился возле неё, глядя в окно, молча гладил её волосы. О чём думал отец в эти минуты, она до сих пор не знает. Его и мамы уже давно нет, а она до сих пор помнит всё, что происходило с ней в детстве; недаром говорят, что детская память крепка и остаётся в воспоминаниях на всю жизнь.

Полина повернулась на бок. Начинало светать. Темнота в комнате отступала в глухие уголки, сон не шёл, а на голову как будто камень тяжкий положили, сердечко заныло. «Встать нужно, выпить таблеток», — подумала она, нехотя встала, держась за поясницу, которая тоже болела.

— Помрёшь — никто не узнает об этом. Плохо одной, а никуда не денешься. Что поделаешь? — прошептала она, запивая таблетку водой. — Может, сейчас усну, таблетки выпила. Что же это такое?

Но воспоминания захватили её окончательно, и сон не шёл.

Окончив школу, она поступила в культпросветучилище. Студенческие годы, самое лучшее время, когда происходит становление личности в обществе, реализация планов, которые вызревали в долгие школьные годы, пролетели быстро и шумно. Деревенька, куда её направили, стояла на высоком берегу реки Лены, среди зелёного моря тайги; на противоположной стороне высились крутые горы, поросшие лесом.

Дом культуры, где она стала работать, стоял в центре села: это было большое деревянное здание, с высоким крыльцом и колоннами, сделанными из брёвен. Фронтвики, придя с войны в тысяча девятьсот сорок пятом — сорок шестом годах, в свободное от работы время построили для всех односельчан Дом культуры, который до сей поры стоит, и ничего ему не делается, хотя на дворе две тысячи пятый год.

Здесь же она встретила своего Володю. В один из вечеров к ней подошёл слегка выпивший русоволосый кареглазый парень. В зале звучало танго.

— Пойдём танцевать, — он взял её за руку.

Полина хотела отказаться, но не смогла.

— Ты в наше село недавно приехала. А родина твоя где?

— Слышал про посёлок Ньюрба?

— Кто не знает про Ньюрбу? Знают все, конечно.

— Да ты поэт, стихами говоришь.

— Случайно получилось, не увлекаюсь ерундой. Тебе нравится наше село?

— Здесь красиво, и люди хорошие.

В этот вечер Володя после танцев в клубе проводил её домой.

— Хочешь покататься на лодке? — спросил он Полю через несколько дней.

— Давно мечтаю. А когда это будет?

— В воскресенье я к тебе приду.

— Буду ждать тебя. Лена с нами может покататься на лодке?

— Веселее будет, пусть приходит.

В воскресенье после обеда Анастасия, хозяйка дома, у которой Полина жила, глянув в окно, сказала ей:

— Смотри, твой возле ворот стоит, с Леной.

— Мы идём кататься на лодке.

— Иди, только поаккуратнее будь.

— Не беспокойся, всё нормально будет. Ну, я пошла!

Они спустились к реке. Владимир запустил мотор, и лодка полетела по волнам, Поля заворожённо смотрела на искрящиеся струи воды, на правый берег Лены, на баржи, проходящие мимо.

— Хотите посмотреть пещеры? Тут недалеко.

— Интересно, что за пещеры? Давай рули, посмотрим.

Они пристали к берегу. Поднявшись немного по склону горы, он остановился возле небольшого отверстия, ведущего в глубь горы.

— Смотрите, это и есть пещера. Правда, она небольшая. Давайте спустимся и посмотрим чуть-чуть.

Они протиснулись в узкое отверстие и оказались внутри. Там было просторнее, в отверстие виднелось небо. Полина потрогала стены, во многих местах исписанные именами местных жителей. Владимир показал на проход, который вёл вглубь:

— Туда мы, конечно не пойдём, опасно, да и мы совсем не подготовлены к прогулкам под землёй.

— Всё равно интересно, такое местечко таинственное. Поплывём дальше?

— Поплыли.

Полину покорили ширь и красота реки. Вскоре их взорам открылось прекрасное зрелище: из пенно-стальной

холодной воды Лены вырвалась и устремилась к небу скала, но не простая, а с ярко-красными оттенками цвета, которые играли и переливались в воде и красочно выделялись в небесном своде. Сердце девушки замерло от восторга.

— Боже! Какая красота! — воскликнула она.

— Да, места у нас знатные. Тебе понравилось? — Володя со снисходительной улыбкой посмотрел на неё.

— Понравилось?! Да не то слово — очень, очень понравилось!

— Я привыкла смотреть на эту гору и на другие тоже, — равнодушно ответила ей Лена.

— Тогда пристаём к берегу, разведём костёр, чайку попьём.

На берегу он быстро набрал сухих веток для костра и подвесил к треноге самодельный котелок. Вскоре в котелке вскипела вода, в которую он всыпал заварки. Девушки достали из сумок сало, отварную картошку, лук, положив их на газету. На свежем воздухе и сало, и картошка, и чай казались такими вкусными — такого и в ресторане не отведаешь. За спиной шумела непроходимая тайга, перед глазами несла свои воды в далёкое море красавица Лена, пылал и искрился костёр, изредка по реке проплывали баржи, нарушая тишину протяжными гудками. До сих пор она не забыла, как они бегали по берегу и кричали от радости: хорошее, как и плохое, не забывается.

Через три месяца они поженились. Арина, работавшая с ней в клубе техничкой, узнав, что она выходит замуж, пожалела её:

— Что же ты нас не спросила, можно тебе за него замуж идти или нет? Володька — парень баламутный, баб любит, да и от выпивки не отказывается. Живёт как хочет.

— Нет, он хороший, а что иногда выпивает — буду запрещать ему; надеюсь, он не будет пить.

— Девки ладятся, а бабы каются. Смотри, дело твоё, тебе жить.

Полина вздохнула: «Почему я не послушала её? Точно, у девок ума маловато, и у меня не было, да теперь ничего не сделаешь. Мы свою жизнь пишем набело, без черновиков, поэтому часто ошибаемся».

Через полмесяца совместной жизни муж напился, а когда она сделала ему замечание, ответил ей:

— Молчи. Чего ругаться? Что я плохого сделал? А будешь вякать дальше — прибью, у меня не заржавеет.

— Ты что такое говоришь, Володя? Разве можно так вести себя? Ты взрослый мужчина и, видимо, не понимаешь, что так жить нельзя. Кто пьёт, тот по-человечески не живёт.

— Денег дай, Костя ждёт меня. Дай денег.

— Где я тебе деньги возьму? Нет их сейчас, я ещё не получала, и ты ещё не давал мне.

— Ладно, не сердись, пойду возьму у кого-нибудь.

— Иди. Я вообще на работу пошла. О чём с тобой говорить?

«Прошло немало времени с тех пор, но в сердце сожаленье и тревога остались навсегда. И вот одна в пустой избе лежу и вспоминаю прошлое, которое всегда рядом со мной. Я живу им, хотя этого делать нельзя; это моя боль и маленькая надежда на лучшее будущее, хотя я знаю, что его уже не будет для меня, старая совсем», — думала Полина.

Был тёплый, солнечный летний день. Ветерок шелестел в верхушках берёз, росших в ограде. Она стояла с сынишкой на руках, а перед ней муж, который направил на неё нож и кричал:

— Дай денег! Я кому сказал?! Ещё и ребёнка на руки взяла. Специально, да?

— Нет. Ты что, совсем рехнулся?

— Зубы не заговаривай. Давай, и всё.

— Да возьми ты их, сейчас принесу. Сколько надо?

— Сама знаешь: как всегда, на бутылку.

Она пошла в дом, отсчитала деньги, отдала их Владимиру. Пересчитав, тот быстро исчез, а вернулся поздно вечером, весь в синяках.

— С кем подрался?

— С Костькой. Докопался до меня: то не так да другое не так, — вот и подрались.

— У него тоже синяки?

— Вроде нет.

— Так он тебя и побил, а не ты его. Когда ты бросишь пить? Люди смеются над тобой за твоей спиной, хотя в глаза никто не скажет, и мне плохо, и ребёнку. О сыне ты думаешь или нет? Или тебе всё равно?

— Моя смена растёт. Вот погуляем с сыночком!

— Ты уверен? Надеюсь, у тебя не получится ничего. Ты меня любишь хотя бы чуть- чуть или нет?

— Тебе правду сказать?

— Скажи, раз начал.

— Животная любовь у меня к тебе. А что тебе надо ещё?

— Обидно просто. Ты не думаешь, что я могу от тебя уйти, не думаешь?

— Тебе разве есть куда уйти? Так что рот закрой, живи и ерундой не майся. Приготовь на завтра обед, на работу пойду, а сейчас спать буду.

Полина почувствовала, как сердце её заколотилось, старая обида болью разлилась за грудиной. Она взяла под язык нитроглицерин, стало легче. Воспоминания до добра не доведут, надо их отпустить. Что было — травой-полынью заросло. Ан нет, всколыхнулось, не отпускает. Она взглянула в окно. Над вершинами гор горела ярким пламенем заря, переливаясь причудливыми красками, которые то бледнели, то вновь становились ярче, и, наконец, начало всходить солнце, разгоняя тьму из самых укромных уголков. Полина встала, взяв стул, присела возле окна.

«Прожила я жизнь, а к чему? Видела мало хорошего, муж постоянно пил, ходил по бабам, детей, считай, одна вырастила. Только работа спасала от уныния и печали,— она вспомнила, как они со своим коллективом поехали с концертом в райцентр и их долго хвалили районное начальство и пресса.— Знать судьба у меня такая. Что поделаешь. Никому не скажешь, не пожалуешься, как я одинока; у детей давно своя жизнь, а я одна всегда, прожила жизнь, но не дождалась любви. Без любви жить — как птице без крыльев», — слёзы вновь побежали по щеке. Внезапно острая боль цепкой, тяжёлой рукой схватила сердце, боль, от которой она не могла вскрикнуть. Сознание меркло, и она потихоньку сползла со стула.

Утром Ирина, прогнав корову на пастбище, решила заглянуть к старушке, постучала в дверь и, не получив отклика, встревожилась не на шутку. Заглянув в окно спальни, она увидела Полину, лежащую на полу. Растерявшись, побежала домой, чтобы рассказать мужу. Тот, почесав затылок, съездил за участковым. Выбили стекло, внук Ирины Данила влез через окно в избу и открыл двери, но Полине помочь они уже ничем не смогли.